

УДК 72.025.4

DOI 10.25995/
NIITAG.2020.13.2.033

МЕМОРИАЛЬНАЯ КОНСЕРВАЦИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИЯ РУИН, СТАВШИХ СЛЕДСТВИЕМ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Буш Полина Дмитриевна — кандидат архитектуры, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, научный сотрудник.
E-mail: pauline_busch@mail.ru

Статья посвящена проектам мемориальной консервации руин, ставших следствием военных действий на территории Российской Федерации и постсоветского пространства. Рассматривается намеренное напоминание об ужасах Второй мировой войны в архитектурных проектах консервации. Анализируются подходы к консервации и реконструкции руин в зависимости от места расположения и истории руинированного объекта. Рассмотрены примеры мемориальной консервации и музеефикации разрушенных объектов таких городов постсоветского пространства, как Волгоград, Брест, Воронеж, Севастополь, Москва.

Ключевые слова: руины, консервация, реконструкция, драматизм, война, революция.

P.D. BUSH

MEMORIAL CONSERVATION AND MUSEUMIFICATION OF WAR RUINS IN RUSSIAN FEDERATION AND POST- SOVIET AREA

Bush Polina — Ph. D. in Architecture, Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Federal State Budget Institution "Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia", researcher.

The article is devoted to the projects of memorial conservation of war ruins in Russian Federation and post-Soviet area. Attention to the horrors of the Second World War in architectural projects is considered. Approaches to the conservation and reconstruction of ruin objects are being developed in the article. Examples of memorial conservation and museums of the ruins of military destruction of such cities of the post-Soviet space as Volgograd, Brest, Voronezh, Sevastopol, Moscow are considered.

Keywords: ruins, conservation, reconstruction, dramatic, war, revolution.

Целью данной статьи является выявление специфики проектов мемориальной консервации и музеефикации руин, ставших следствием военных действий на территории Российской Федерации и постсоветского

пространства. Рассмотрены варианты утрирования драматической и трагической силы руинированных объектов, подвергающихся консервации. Проанализированные в статье архитектурные объекты иллюстрируют поддержание высокого уровня мемориальной значимости свидетельств Второй мировой войны на политическом уровне и Гражданской войны и репрессий 1937 года. В сознании достаточно большого процента населения российских городов все еще важным остается стремление сохранить в памяти ужасы войны и репрессий XX века, а одним из способов запечатления момента в прошлом является фиксация архитектурного сооружения на стадии разрушения. Данный устоявшийся прием мемориальной консервации за рубежом достиг пика наиболее активного применения в первые послевоенные годы. Примеры: Мемориал мира в Хиросиме (Япония); деревня Орадур-сюр-Глан (Франция); Оранжерея, принадлежащая к архитектурному комплексу Цвингер в Дрездене (Германия)¹. Их изучению посвящено большое количество работ, в том числе публикации иностранных авторов, например “Philosophical Perspectives on Ruins, Monuments, and Memorials” (Jeanette Bicknell, Jennifer Judkins, Carolyn Korsmeyer); а также научные статьи российских авторов: «Советский военный мемориал: формирование монументальной традиции. 1945–1991 годы» (С.Г. Ковчинская), «Реновация военного бункера» (С. Казуаки). В России подобные проекты продолжают появляться вплоть до сегодняшнего дня. В статье намеренно не будут рассмотрены сакральные памятники, разрушенные в войну, так как это отдельная специализированная тема, затрагивающая более сложный круг аспектов.

Война всегда оставляет след в общественной памяти длительностью в десятилетия и столетия. И все свидетельства войны для участников и их потомков являются источником мысленного воссоздания драмы. Со временем смена поколений приводит и к смене восприятия прошлого. К примеру, свидетельства войны 1812 года в данный момент для потомков ее участников не несут отпечатка трагедии. На первый план выходит философское и элегическое восприятие истории. Со временем, несомненно, и воспоминания о Великой Отечественной войне обретут подобный элегический флер, но не в ближайшие три десятилетия.

Войны в мировой истории привели к изменениям в восприятии руин в культуре. Они создавали дистанцию между современностью и прошлым, вводили в искусство идеи фрагментарности и аппликативности. В архитектуре появилось восприятие руины как в некотором роде коллажа. В истории прослеживается отношение к руинам, являющимся следствием войны, как к инструменту влияния на национальное сознание. Важно отметить, что во второй половине XX и в XXI веке тенденция ухудшается, поскольку разрушение памятников рассматривается как намеренный удар. В Первую мировую войну такая позиция отсутствовала.

Прицельное уничтожение памятников архитектуры применялось осознанно во Вторую мировую войну и далее (например, Пальмира).

Руина позволяет визуализировать различные формы траура: человечество оплакивает потерю, смерть, распад и разрушение; техногенные и природные катастрофы; попытки человечества взять верх над природой, как бесполезные, так и успешные; равнодушие природы к людям и их жестокость по отношению друг к другу. Мемориализация руины архитектурными средствами осуществляется по-разному в зависимости от того, что она ознаменовывает: постепенный упадок и смерть, природные катастрофы или же различные виды государственного, военного или экономического насилия, о которых и пойдет речь в данной статье. Многослойный, но межнациональный язык руины способен показать сходства беды без национализации. Здесь можно говорить о международно-политическом смысле консервации военных руин. Это назидание не своим потомкам, а чужим, потомкам тех, кто принимал участие в разрушении, а вместе с этим — и иностранным государствам. И в этом контексте ярким примером являются руины Брестской крепости, расположенные на бело-русско-польской границе (по сути — границе между современными военными блоками) как визуализация упрека. Немного подробнее в части приемов мемориальной консервации руины Брестской крепости будут рассмотрены далее по тексту. Тот же международно-политический аспект в первую очередь вынуждает сербов сохранять пару разбомбленных войсками НАТО правительственных зданий в центре Белграда.

При упоминании консервации руин войны на территории постсоветского пространства первыми вспоминаются, несомненно, мемориалы Сталинграда-Волгограда и руины Брестской крепости. Эти мемориальные архитектурные объекты исследованы в большом количестве научных статей. Мемориалы Сталинграда-Волгограда рассмотрены, например, в работах таких авторов, как

ИЛЛЮСТРАЦИИ

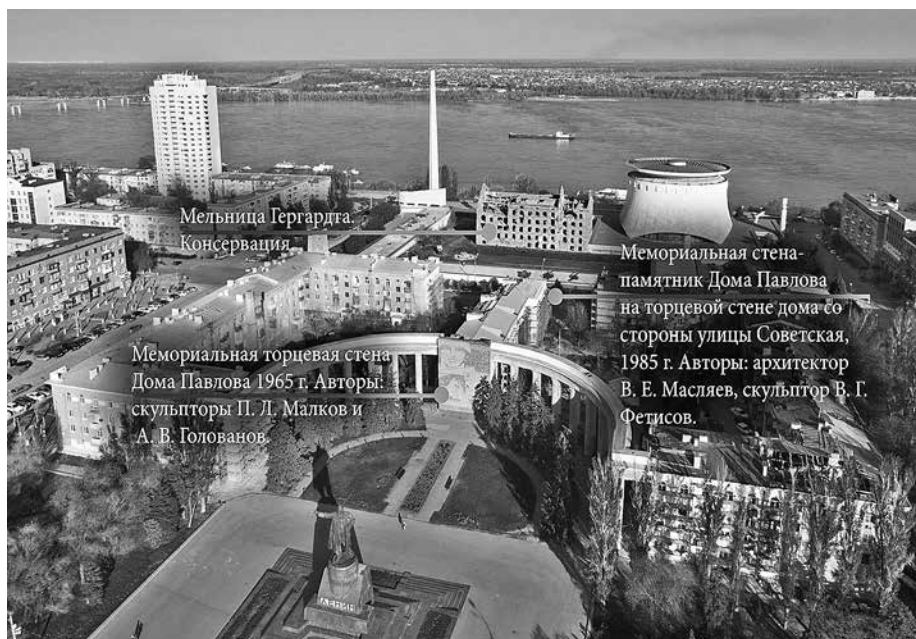
1. Дом Павлова (Авторы: скульпторы П.Л. Малков и А.В. Голованов, архитектор В.Е. Масляев, скульптор В.Г. Фетисов.) и Мельница Гергардта. Волгоград (до 1961 г. — Сталинград). Фото 2018 г. с пояснением: https://pikabu.ru/story/dom_pavlova_i_melnitsa_gergardta_ne_odno_i_to_zhe_naglyadnaya_rabota_nad_oshibkoy_5893730

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Агеев С. Судьба германских руин // Архнадзор. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archnadzor.ru/2011/08/17/sud-ba-germanskih-ruin/comment-page-1/> [дата обращения: 04.09.2019].

Витковская Е.А., Рыкова А.О. («Проблема сохранения объектов культурного наследия Великой Отечественной войны в Волгоградской области и их туристская значимость»), в материалах Международной научно-практической конференции, приуроченной к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов («Военно-исторические аспекты жизни юга России XVII–XXI веков: вопросы изучения и музеефикации»), и т. д. Памятники Брестской крепости проанализированы в статьях «Музеефикация объектов Брестской крепости: реалии и перспективы» (Митюкова Е.В.), «К вопросу о сохранении объектов историко-культурного наследия в г. Бресте» (Тур Э.А., Басов С.В.), «Памятники героям и жертвам Великой Отечественной войны. Мемориальные комплексы 1960–1970-х годов. Проблема исторической и художественной ценности» (Смирнова К.В.) и т. д.

Сталинград-Волгоград. **Дом Павлова.** Объект, представляющий собой мемориал, сочетающий воссоздание (основной объем Дома Облпотребсоюза), фрагментарную консервацию (Мемориальная торцевая стена Дома Павлова с добавленным рельефом из бетона и докомпоновкой кирпича, 1965 год. Авторы: скульпторы П.Л. Малков и А.В. Голованов со стороны площади Ленина) и скульптурные добавления (Мемориальная стена-памятник Дома Павлова на торцевой стене дома со стороны ул. Советской, 1985 год. Авторы: архитектор В.Е. Масляев, скульптор В.Г. Фетисов). Здесь мы имеем дело с определенным видом «концептуальным руинированием», создающим яркий драматичный

образ. В.Е. Масляев и В.Г. Фетисов приняли решение спроектировать псевдоруину, примыкающую к торцу Дома Облпотребсоюза со стороны ул. Советской. Целью было создать запоминающийся образ, напоминающий о воле членов черкасовского движения, своими силами добровольно отстраивавших разрушенные войной дома. Поэтому материалом для скульптуры выбрали кирпич, с которым при воссоздании работали жители Сталинграда-Волгограда.

Руины мельницы Гергардта (мельницы им. Грудинина) — пример консервации открытой кладки без введения элементов конструктивного усиления. Здание намеренно было законсервировано в стадии разрушения. Противоаварийные работы не проводились. Здесь сила образа зиждется на максимальной нетронутости, реальности. Является составляющей частью Музея-заповедника «Сталинградская битва».

Брест, Белоруссия. **Брестская крепость.** На территории ансамбля Брестской крепости представлены как примеры консервации с замыканием теплого контура и музеефикацией (здание казармы, где ныне расположен «Музей войны — территория мира»), так и примеры консервации открытой кладки руин фундаментов с применением растворов, специально окрашенных

ИЛЛЮСТРАЦИИ

2. Руины Белого дворца. Брест. Фото 2018 г. Источник: https://vb.by/society/history/konservaciya_ruin_dvorca.html

ПРИМЕЧАНИЯ

² История памятника «Ротонда» // Храм святого равноапостольного князя Владимира г. Воронеж. URL: <http://vladimira.cerkov.ru/main-page/rotonda/> [дата обращения 04.09.2019].

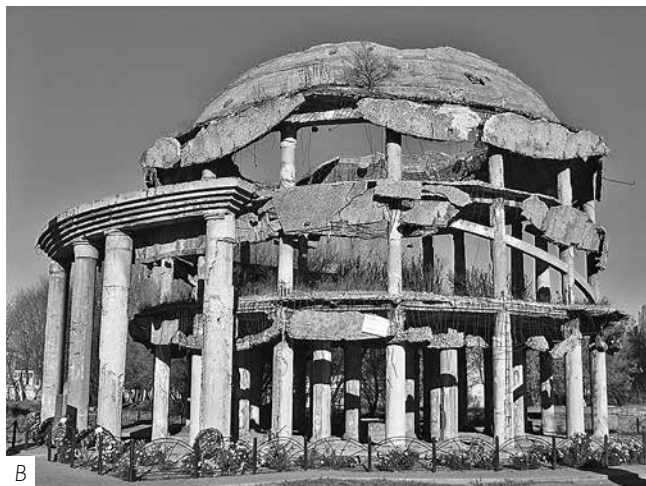
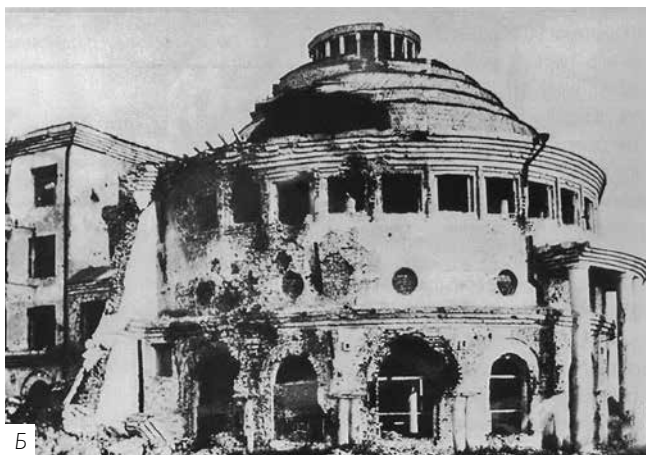

в темно-красный драматический цвет (руины Белого дворца). В кладке оставлены следы от снарядов, сбитые фрагменты штукатурного слоя не воссоздаются в целях сохранения гнетущей, мрачной обстановки военного времени. Скульптуры Е.В. Вучетича подчинены руинам и органично вписаны в них, создавая в совокупности единый архитектурно-градостроительный ансамбль, имеющий мировое значение.

Воронежская Ротонда. Воронеж, как и Сталинград-Волгоград, принял на себя сильнейший истребляющий удар немецких войск и был разрушен на 92–96%. Неразрушенными остались всего несколько строений. И одним из них является часть областной больницы — **воронежская Ротонда**. В бетоне несущих конструкций сохранились пробоины от пуль и осколков снарядов, до сих пор напоминающие об ужасе войны. Ранее были предприняты попытки по ее сносу, но усилиями ветеранов ротонда была сохранена. С 80-х годов XX века до сих пор создаются различные проекты по консервации ротонды в ее состоянии на момент окончания Великой Отечественной войны. Реставрация, по высказыванию представителей областного управления, уничтожит памятник, выступающий в данный момент в качестве живого свидетеля и символа битвы за Воронеж. В этом городе отсутствовал аналог черкасовского движения, но жители до сих пор готовы отстаивать важность сохранения руины. Несмотря на то что средства на консервацию объекта поступят из областного бюджета, по инициативе правления и жителей города был создан фонд, собирающий добровольные пожертвования граждан не по причине нехватки средств, а по причине организации коллективного участия в «деятельном патриотизме».

Будучи изначально терапевтическим корпусом Воронежской областной клинической больницы, ротонда была разрушена в ходе Второй мировой войны в 1942–1943 годах. Специфика эстетической ценности объема корпуса с архитектурной точки зрения состоит в том, что именно разрушения внесли в объект конструктивные изменения, выявившие ажурную структуру здания, не просматривавшуюся при доверенном функционировании. Здание представляло собой круглый в плане купольный объем. Конструктивная схема представляла собой каркас из железобетонных колонн с заполнением из кирпича². После военных действий кирпичное заполнение обрушилось, обнажив цилиндрические стволы колонн с интерколумнием от полутора до пяти метров (в зависимости от участка стены). Таким образом, достаточно простое цилиндрическое здание посредством разрушения приобрело дотоле отсутствовавшие эстетические качества и усложненную пластику.

В процессе ревитализации этого объекта не стояло задач по воссозданию литургической или какой-либо иной функции, кроме музейной. Поэтому в реконструкции цельного объема не было

ИЛЛЮСТРАЦИИ

3. А — Терапевтический корпус Воронежской областной клинической больницы до разрушения (1941–1942 гг.). Б — воронежская Ротонда после освобождения Воронежа (вероятно, 1943 г.). В — воронежская Ротонда (2008 г.)
 Источник: <http://bloknot-voronezh.ru/news/sokhranyat-li-chinovniki-voronezhskiy-pamyatnik-vo-92991>

4. А — Михайловская батарея, общий вид. Б — фрагмент интерьера. Реконструкция 2010 г. — докомпоновка кладки оконного проема бетоном.
 Источник: https://www.google.com/imgres?imgurl=https://summerhotels.ru/wp-content/uploads/2014/06/sevas-Mihajlovskaya-batareya-ravelin.jpg&imgrefurl=https://summerhotels.ru/resorts/k-krym/sevastopol/&h=750&w=1000&ibid=lkthCFaD7of6RM&ibnh=194&ibnw=259&usq=K_aFYWZkrBplMKq5l3aNzSGE5xEtg=&docid=z5iyhFfKp5mMTM

необходимо — в проекте музеефикации крытую экспозицию предлагается разместить в подземной части сооружения.

Важно также отметить, что Воронежская ротонда в течение нескольких десятков лет простояла в разрушенном состоянии и успела запечатлеться в сознании горожан в качестве руин. Трагедия здесь до сих пор свежа. Об этом свидетельствуют не только архитектурные мероприятия, но и социальные.

Следующий объект — **Михайловская батарея** (или Михайловский равелин) в Севастополе. До реконструкции, проведенной в большей части ансамбля к 2010 году и фрагментарно продолжающейся до сих пор, объект в полуруинированном состоянии эксплуатировался в качестве училища и склада. Как и в случае памятников, описанных выше, данный объект несет на себе явные и считываемые следы войны в виде пробоин от пуль и снарядов. Но в восприятии этих дефектов несущих конструкций к трагедийности добавлена линия несокрушимой мощи оборонительного сооружения, пережившего несколько войн. Его стенам в два метра толщиной не страшен артиллерийский снаряд, в отличие от жилого дома или промышленного здания, подвергшегося обстрелу. За счет этого глубокие выбоины и трещины не создают в данном объекте консервации и реконструкции ощущения трагичности.

Тщательное внимание к сигнации подлинного материала в этом проекте продемонстрировано на уровне как экстерьера, так и интерьера. Для воссоздания плоскости стены использованы включения из монолитного бетона со следами опалубки, а не докомпоновка кирпичом, отличным от оригинального (как в случае неудачной консервации руин Брестской крепости в 2011 году). На фасадах и в интерьерах сохранены незаполненными лакуны от выветривания и следы от снарядов, и нетронутой кажется выщербленная кладка (после деликатно проведенных консервации и укрепления, не выведенных на фасад). Карнизы законсервированы без докомпоновки утраченных блоков известняка. На восточном торцевом

А

Б

В

ИЛЛЮСТРАЦИИ

5. А — Маросейка. Подворотня дома Нирнзее. Архивное фото 1972 г. Б — Мемориальная табличка дома по адресу: ул. Маросейка, 13, стр. 2. В — «Красная руина», ул. Маросейка, 13, стр. 2. Москва, 2018 г. Источник: <https://red.msk.ru/zhiteli-marosejki-protiv-rasstrelnoj-steny-vo-dvore>

ПРИМЕЧАНИЯ

³ Жители Маросейки против «расстрельной стены» во дворе // краснаямосква.рф. URL: <https://red.msk.ru/zhiteli-marosejki-protiv-rasstrelnoj-steny-vo-dvore/> (дата обращения: 04.09.2019).

фасаде экспонируется крупная выбоина кладки угла сооружения, высотой равная второму этажу. Во внутреннем дворе сохранены руины открытой кладки, снабженные необходимыми пояснениями. Оконные заполнения выполнены без переплетов, с заглуплением в толщу стены, что позволяет сохранить образ руины с глубокими зияющими пустотами сквозных проемов. Со всех экстерьерных точек образ Михайловской батареи считается как «обитаемая руина». Но при ближайшем рассмотрении становится видна кропотливая поэтапная работа по фиксации разрушений и созданная внутренняя структура с замкнутым теплым контуром.

Мотив «концептуального руинирования», рассмотренный ранее в статье при описании мемориальной консервации Дома Павлова, может иметь различные интерпретации. Одна из них — **«Красная руина на Маросейке»** в Москве. В рамках работ по программе «Моя улица» по архитектурной концепции КБ «Стрелка» двор дома по адресу ул. Маросейка, 13, стр. 2, был подвергнут реновации. Помимо выполненного на высшем уровне благоустройства, о котором просили жители дома, в проект вошла и консервация руины здания XIX века (предположительно здания типографии Якобсона), которая включала и покраску стен в драматичный красный цвет, не имеющий исторического обоснования. Здание не было разрушено ни в 1937, ни в 1941–45 годах. Более того, расстрелы репрессированных проводились не в подвалах данного здания, а по соседству, в здании с мемориальной табличкой с надписью «Всем, кто жил в этом доме, ушел и не вернулся. 1937–1952, 1941–1945».

Ознакомление с мнением жителей района позволяет отметить, что архитектурные приемы на мемориальных объектах могут различаться по степени приемлемости в зависимости от места приложения. Полные материалы интервью доступны в статье «Жители Маросейки против “расстрельной стены” во дворе»³. У людей, видящих двор дома по адресу ул. Маросейка, 13, стр. 2, ежедневно, возникают вопросы к драматичному цвету покраски, не соответствующему исторической достоверности, а также к выбранной авторами проекта форме сохраненных участков штукатурки, напоминающих мишени. Если, например, в Брестской крепости красный цвет, в который окрашен раствор, примененный для консервации фрагментов открытой кладки Белого дворца, смотрится адекватным цели и месту, то в жилом дворе «Красной руины» он кажется по крайней мере спорным. Жители (мнение которых наиболее важно, так как туристы подход к объекту осуществляют только при наличии гида по причине того, что руина находится не на красной линии застройки, а в глубине двора) не ожидают увидеть отсылку к кровавым дням истории около своего дома и тем более не готовы сталкиваться с ярким броским напоминанием о насильственной смерти каждый день. Это может оказать влияние на психику как некоторых взрослых людей, так и детей.

Колористическое решение очень точно соответствует цели, очевидно преследуемой в концепции. Ассоциации, вызываемые таким откровенно ярким тоном, в совокупности с мемориальными табличками, размещенными в нескольких метрах от преобразованной руины, создают достаточно осязаемую атмосферу трагического прошлого. Оставленные не выкрашенными в красный цвет фрагменты сохранившегося штукатурного и красочного слоя свидетельствуют об историческом тоне покраски, не выбивавшемся из колористической гаммы окружения, из чего можно сделать вывод, что авторы проекта намеренно выбрали неисторический цвет.

Цвет аутентика руины, определенное время проведенной на природе, имеет тенденцию сближения с грунтом по цветовой гамме патины. Колористическая неоднородность и выразительность являются одними из основополагающих параметров в архитектурной работе с руиной⁴. Акцентирование внимания на аутентичном тоне руины при выборе архитектурной подачи объекта позволяет выявить содержательные аспекты, не диссонируя с окружением, особенно в случае города. В рассматриваемом же проекте «Красной руины» покраска, носящая кроме цветовой функции еще и защитную, вывела руину из ранга исторического свидетельства, переведя акцент на мемориальную память места, по сути не привязанную к конкретному объекту по адресу: ул. Маросейка, 13, стр. 2.

Следует предположить, что конкретно для этого места, расположенного в глубине квартала, стоило применить несколько другие изобразительные средства, более нюансно и деликатно напоминающие о трагической судьбе репрессированных и погибших на войне. Можно вспомнить латунную именную брусчатку проекта «Камень преткновения» Г. Демнига (в память репрессированных кельнских цыган) или проект «Последний адрес» А. Бродского. В упомянутых проектах авторы почтили память трагически ушедших сограждан, избегая излишне драматических приемов, неуместных в данном случае и месте.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁴ Бойм С. Будущее ностальгии // Новое литературное обозрение. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3725> [дата обращения: 04.09.2019].

⁵ Strelka KB — Публикации. URL: <https://www.facebook.com/strelka.kb/posts/403691846701671/> [дата обращения: 04.09.2019].

Анализ прошения жильцов дома по адресу ул. Маросейка, д. 13, стр. 2 позволяет говорить о том, что в целом новое благоустройство двора их полностью устраивает. Наличие руины также не вызывает возражений. Несомненно, крайне важны усилия, приложенные реставраторами и специалистами по работе с наследием к сохранению руины, ее консервации и органичному (в плане организации двора) включению в благоустройство⁵. И только цвет и тон, так точно работающие на создание мемориальной атмосферы, не могут удовлетворить опрашиваемых по причине создавшегося пересечения идеологических потоков. Излишний драматизм архитектурного решения в некотором роде обесценил исходный материал, задав ему вектор, не соответствующий функции двора. С другой стороны, стоит отметить, что руину в отсутствие статуса памятника архитектуры могли и демонтировать. И только с помощью включения в столь яркий проект, имеющий доминирующую мемориальную ценность, удалось сохранить объект без изменений, касающихся конструктивных аспектов.

Существует целый пласт визуальных опытов по «окраске» руинированных объектов с помощью освещения, а не фактического нанесения покрасочного слоя, например проект освещения руины в Баалбеке, Ливан. В случае «Красной руины» на Маросейке, возможно, было бы целесообразно обратиться именно к подобному приему и создавать активный драматический цветовой акцент только на время — скажем, в преддверии важных дат, являющихся важными вехами в истории репрессий и войн на территории СССР.

В заключение можно сказать, что концепции мемориальной консервации и музеефикации руин войны в России в последнее десятилетие значительно модернизировались. В данное время при высоком уровне развития строительных технологий в условиях российского климата, при широком спектре архитектурных приемов экспонирования и музеефикации за рубежом в качестве образцов, а также при увеличении финансирования подобных нестандартных проектов неизбежны как достойные, так и спорные эксперименты (например, «Красная руина» на Маросейке), вызывающие двойственную общественную реакцию. В статье выявлено, что особенности восприятия войны и потребность в напоминании о победе различны для разных городов. Причиной тому — разная степень разрушений этих городов и потерь гражданского населения. Городам, уничтоженным практически под корень, необходимо дольше сохранять мемориальные военные свидетельства. В дополнение к обозначенному в первой части статьи международно-политическому смыслу мемориальной консервации руин был обозначен и проанализирован также и архитектурно-градостроительный. Руины Брестской крепости — составная часть пространственного монумента ее защитникам. То же можно сказать и о градостроительной роли воронежской Ротонды, мемориального комплекса Сталинграда-Волгограда.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев С. Судьба германских руин // Архнадзор. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archnadzor.ru/2011/08/17/sud-ba-germanskih-ruin/comment-page-1/> (дата обращения: 04.09.2019).
2. Бойм С. Будущее ностальгии // Новое литературное обозрение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/3725> (дата обращения: 04.09.2019).
3. Жители Маросейки против «расстрельной стены» во дворе // краснаямосква.рф. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://red.msk.ru/zhiteli-marosejki-protiv-rasstrelnoj-steny-vo-dvore/> (дата обращения: 04.09.2019).
4. История памятника «Ротонда» // Храм святого равноапостольного князя Владимира г. Воронеж. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vladimira.cerkov.ru/main-page/rotonda/> (дата обращения: 04.09.2019).
5. Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб.: Стройиздат, 1997.
6. Strelka KB — Публикации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.facebook.com/strelka.kb/posts/403691846701671/> (дата обращения: 04.09.2019).

REFERENCES

1. Ageyev S. Sudba germanskih ruin // *Arkhnadzor*. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.archnadzor.ru/2011/08/17/sud-ba-germanskih-ruin/comment-page-1/> (data obrashcheniia: 04.09.2019).
2. Boym S. Budushcheye nostalgii // *Novoe literaturnoe obozrenie*. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.nlobooks.ru/node/3725> (data obrashcheniia: 04.09.2019).
3. Zhiteli Maroseyki protiv «rasstrelnoy steny» vo dvore // *krasnaiamoskva.rf*. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://red.msk.ru/zhiteli-marosejki-protiv-rasstrelnoj-steny-vo-dvore/> (data obrashcheniia: 04.09.2019).
4. Istoriya pamyatnika «Rotonda» // *Khram sviatogo ravnoapostol'nogo kniazia Vladimira g. Voronezh*. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://vladimira.cerkov.ru/main-page/rotonda/> (data obrashcheniia: 04.09.2019).
5. Skorikov U.A. *Sevastopol'skaia krepost'*. St. Petersburg: Stroizdat, 1997.
6. *Strelka KB — Publikatsii* [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.facebook.com/strelka.kb/posts/403691846701671/> (data obrashcheniia: 04.09.2019).